

суда десятую векшу, а ис торгу десятую неделю, а из домов на всяко лето от всякого стада и от всякого жита чудному Спасу и чудней его матери». ⁷² В Византии церковной десятины не существовало, и возникновение этого института на Руси естественно толкуется как заимствование западной нормы, обычной в то время в католической Европе. ⁷³

Западное влияние, по-моему, проявилось и в появлении на Руси хронологической системы, которая начинает год мартом месяцем. Эта система была принята на Руси в историографических трудах и в бытовой практике параллельно с византийской сентябрьской системой, которую русские митрополиты греки ввели в употребление в церковной жизни и в дипломатической переписке с Византией. В моей незаконченной работе о мартовском стиле ⁷⁴ я в данном вопросе повторил мнение русских палеографов, что к славянам эта система пришла из Византии через пасхалию. Сейчас я вполне убежден, что на Русь начало года мартом могло прийти только с Запада, где эта система в IX—XI вв. была во всеобщем употреблении, тогда как в Византии в то время она уже совершенно вышла из употребления как в историографии, так и в практической жизни. «Благовещенский год» — *Annis ab Annuntiatione* или *ab Incarnatione* (с 25 марта) — был в то время в употреблении во Франции — в королевской канцелярии и в разных областях (*mos Gallicanus*), в Англии, в Германии — как церковный год в Трирской архиепископии (как раз оттуда происходит знаменитая Трирская псалтирь с русскими миниатюрами XI в.), в разных областях северной и средней Италии (с особыми вариантами «флорентийского» и «пизанского» стиля) и в папской канцелярии от середины X до начала XIII в. Вероятно, под непосредственным влиянием папской канцелярии «благовещенская система» появилась у ближайших соседей Руси: поляков, чехов и венгров в связи с организацией их церквей в X и XI вв., — а от них была заимствована Русью в период живых династических, церковных и литературных связей той эпохи.

При наличии тех живых и непрерывных политических сношений и династических связей, которые существовали в X и XI вв. между Киевской Русью и Польшей, естественно предположить, что и культурные взаимоотношения между этими ближайшими соседями должны были быть очень значительны. Однако литературные связи между Русью и Польшей в этот период вообще еще не принимаются в расчет, так как и сама церковнославянская традиция в Польше является спорной. Противоположные точки зрения заняли в этом вопросе в 1956 г. такие авторитеты, как Ф. Лер-Сплавинский и Б. Гавранек. ⁷⁵ Первый из них признает значение свиде-

⁷² Устав св. Владимира по рукописи XIII в., цит. по: И. И. Срезневский. Славяно-русская палеография XI—XIV вв. СПб., 1885, стр. 98; ср.: Повесть временных лет под 6504 г.

⁷³ Н. С. Суворов. Следы западокатолического церковного права в памятниках древнерусского права. Ярославль, 1888; Н. Никольский. К вопросу о западном влиянии на древнерусское церковное право, стр. 116 и сл. Это католическое влияние, конечно, могло прийти на Русь через посредство западного славянства; ср.: М. Н. Тихомиров. Объяснение некоторых понятий русских раннефеодальных памятников терминами из других славянских и неславянских источников. Актуальные проблемы славяноведения. Краткие сообщения Института славяноведения, 33—34. М., 1961, стр. 103—104.

⁷⁴ Три первые главы напечатаны в сербском журнале «Историски Гласник», № 1—2 (Београд, 1951, стр. 20—57).

⁷⁵ См.: T. Lehr-Splawinski. Czy są ślady istnienia liturgii cyrylometodejskiej w dawnej Polsce? — *Slavia*, roč. XXV, N 2. Praha, 1956, стр. 290—299; B. Havránek. Otázka existence církevní slovanštiny v Polsku. — *Slavia*, roč. XXV, N 2. Praha,